

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ПОЛЯКИ В ГОРОДСКОЙ МИФОЛОГИИ

1

В 1682 году на русский престол вступил последний царь всея Руси и с 1721 года первый русский император Петр I. Он был внуком основателя династии Романовых царя Михаила Федоровича, который начал свое царствование в 1613 году под знаком страшного проклятия, посланного на весь его род гордой полячкой Мариной Мнишек. С известной долей фактической и хронологической условности можно сказать, что именно с этого времени обозначилось присутствие поляков в Петербурге. Конечно, на их отношение к русской столице влияли многие факторы. И близость границы, и территориальные претензии друг к другу, и различие в вероисповедании, и многое другое, о чем А. С. Пушкин в широко известном стихотворении «Клеветникам России» обозначил как «спор славян между собою, / Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою». Но мы начнем с проклятия Марины Мнишек, поскольку, что бы там ни говорили, на судьбы народов в небольшой степени влияют судьбы их повелителей. И проклятия на царей в той или иной степени распространяются на народы.

Марина Мнишек была дочерью польского шляхтича Юрия Мнишека, одним из первых поддержавшего авантюру монаха Чудова монастыря Григория Отрепьева, который объявил себя воскресшим царевичем Дмитрием и известен в истории как Лжедмитрий I. По вступлении Лжедмитрия в Москву Марина была отдана ему в жены. Затем, после убийства самозванца, ее насильно уложили в постель Лжедмитрия II, который выдавал себя за Лжедмитрия I. В 1606 году она была помазана на царство, процарствовала всего восемь дней, но в момент убийства своего второго мужа была на последнем месяце беременности. Вскоре появился на свет младенец Иван, который формально являлся наследником русского престола. Поэтому он представлял несомненную опасность для только что избранного на царство первого Романова — Михаила. Мальчика обманом взяли у находившейся в заточении Марины, уверив мать, что новый царь не будет мстить ребенку. Марина поверила. Однако в октябре 1614 года Иван был повешен. По преданию, Марина Мнишек,

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

узнав об этом, в отчаянии прокляла весь род Романовых вплоть до последнего царя. Согласно проклятию, все они будут умирать не своей смертью, «пока вся династия не угаснет».

Трагична была судьба и самой Марины. Если верить московским источникам, она умерла в тюрьме «с горя». Польские же авторы утверждают, что Марина Мнишек была не то утоплена, не то задушена по приказанию самого Михаила Федоровича.

Проклятие Марины Мнишек породило целую серию и других предсказаний — гибели династии Романовых, которые с пугающей периодичностью стали появляться в России. Уже в 1660-х годах некий монах пророчил смерть всем Романовых, которые решатся связать свою судьбу с Долгорукими. О давней вражде этих старинных русских родов в обществе хорошо помнили, однако о пророчестве забыли и впервые вспомнили сразу же после безвременной кончины юного императора Петра II, случившейся в 1730 году, неожиданно, за несколько дней до его свадьбы с Екатериной Долгорукой. Затем, через полтора столетия, это страшное пророчество вновь нашло подтверждение в трагической гибели императора Александра II, произошедшей вскоре после его венчания уже с другой Долгорукой, но тоже Екатериной, известной княгиней Юрьевской, вот-вот готовой стать императрицей Екатериной III. Хорошо известна и судьба всей династии Романовых, трагически завершившаяся расстрелом императора Николая II и всей его семьи в ночь на 17 июля 1918 года в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Если верить петербургскому городскому фольклору, первый удар по дому Романовых после проклятия Марины Мнишек Польша нанесла в 1796 году руками бывшего любовника Екатерины II Станислава Понятовского. Став польским королем и рассорившись со своей любовницей, он послал в подарок императрице золотой трон. По другой легенде, этот трон был вывезен Суворовым из Варшавы при подавлении польского восстания 1794 года. Так или иначе, но в 1795 году после последнего, третьего раздела Польши Екатерина будто бы велела проделать в этом троне отверстие и пользовалась им как стульчаком. Согласно одной из легенд, на этом импровизированном унитазе будто бы императрица и скончалась. По аристократическим салонам Санкт-Петербурга шепотом рассказывали страшные подробности гибели Екатерины Великой. Якобы «в ватерклозете императрицы под королевским тронем притаился неизвестно как туда проникший некий польский фанатик, чуть ли не карлик, который ударил снизу ее величество копьём или тесаком, а потом, воспользовавшись суматохой, ускользнул незамеченным из царских покоев и из Зимнего дворца».

Последние годы жизни Станислав Понятовский по приглашению Павла I провел в Петербурге, в предоставленной ему резиденции — Мраморном дворце. Умер внезапно в 1798 году, будто бы отравленный недоброжелателями. Похоронен с королевскими почестями, в храме Святой Екатерины на Невском проспекте. Прах последнего короля Польши пролежал в крипте собора до 1938 года, когда был передан Польше.

Между тем у Екатерины личные отношения с поляками связывались гораздо лучше, нежели государственные. Едва ли не в начале своего царствования она отметила своим вниманием Григория Александровича Потемкина, служившего вахмистром в Конной гвардии и принимавшего активное участие в перевороте 1762 года. Потемкин был выходцем из смоленских дворян и принадлежал к мелкопоместному, но знатному польскому роду, входившему в состав смоленской шляхты. Его дед носил фамилию Потемковский.

Потемкин сыграл выдающуюся роль в истории России второй половины XVIII века. Он был одним из самых ярких и наиболее значительных государственных и воен-

ных деятелей екатерининской эпохи. А после русско-турецкой войны 1768—1774 годов стал генерал-аншефом, графом, вице-президентом Военной коллегии и приобрел решающее влияние на государственные дела.

После тайного венчания, которое будто бы произошло в Москве в 1774 году, Потемкин, если верить фольклору, стал морганатическим супругом Екатерины II. Слухи о загадочном венчании были столь многочисленны и разнообразны, что многие путали даже города, где оно якобы происходило. Так французский посол в секретном донесении своему правительству писал, что это событие имело место «в одной из петербургских церквей». Так это или нет, до сих пор остается загадкой. Во всяком случае, императрица, которая была на десять лет старше Потемкина, и после 1774 года в личной жизни вела себя как незамужняя женщина. А когда в ее будуаре появились другие фавориты, тактичная, осторожная Екатерина, лишив Потемкина полуофициального статуса «первого джентльмена страны», вместо совместного ложа предложила ему совместную власть. Она советовалась с ним практически по всем вопросам государственной и частной жизни, включая обсуждение новых кандидатов на ее монаршую благосклонность, и всегда считалась с его мнением.

Сохранился своеобразный памятник близких отношений Потемкина и Екатерины II. В Большом Петергофском дворце, в так называемой Диванной комнате стоит диван, на котором, как об этом с затаенной гордостью сообщала сама императрица своему французскому корреспонденту барону Мельхиору Гриму, могли, «скорчившись, разместиться двенадцать человек». Правда, в письме к Гриму Екатерина, сознательно или нет, упустила одну пикантную подробность: диван был трофейным и прислан с театра военных действий специально для Потемкина. Так это или нет, проверить совершенно невозможно. Однако, как утверждает М. И. Пыляев, в Петербурге, да и во всей России вскоре после взятия Очакова появилась мода на огромные софы или диваны, загромождавшие гостиные барских особняков. И назывались они «потемкинскими».

Сохранился еще один своеобразный памятник потемкинской любви. Согласно царскосельским легендам, идея создания «Большого каприза» в Екатерининском парке принадлежит Григорию Александровичу Потемкину. Будто бы это он придумал и велел в течение одной ночи осуществить парковую затею в угоду своей капризной любовнице.

Об этом «исполине всех времен», или «некоронованном императоре», как называли Потемкина в столице, слагали легенды и рассказывали самые фантастические истории. У Потемкина было два прозвища. Одно из них породила его фамилия: Князь Тьмы, а другое — Циклоп — появилось благодаря устрашающему и одновременно величественному виду одноглазого гиганта. Согласно легенде, свой глаз Григорий Александрович потерял в пьяной драке. Впрочем, есть легенда, в которой названы конкретные виновники этой драки. Будто бы знаменитые братья Орловы, обеспокоенные тем, что Екатерина оказывает повышенные знаки внимания Потемкину, решили его проучить. Однажды они напали на него и здорово избили. Потемкин лишился глаза и на некоторое время действительно исчез из поля зрения императрицы. И только после разрыва с Григорием Орловым Екатерина вновь призвала его ко двору. Правда, по другой легенде, история с потемкинским глазом имеет другую и совершенно банальную причину. Будто бы во время первой интимной встречи с императрицей Потемкин в темноте неосторожно наткнулся на ее палец.

Между тем, лишившись глаза, Потемкин вовсе не потерял харизматической осанки. Рассказывают, что когда он, исполненный величия, с царственной поход-

кой, появлялся среди гостей Зимнего дворца, в толпе приглашенных начиналось перешептывание. Видевшие его впервые, как замороженные, спрашивали соседей: «Это царь?» — «Какое там царь! — восхищенно отвечали посвященные. — Это сам Потемкин».

Жил Потемкин широко и роскошно. Дом его был открыт, а столы ломились от изысканных блюд и невиданных яств. Согласно городскому преданию, Петербург обязан Потемкину первыми фруктовыми лавками, которые при нем появились на Невском проспекте. Этот вельможа требовал себе к столу свежих вишен, малины и винограда даже зимой. В Петербурге рассказывали, что самому князю уху подавали в «огромной серебряной ванне, весом в семь-восемь пудов». По преданию, «князю готовили уху из аршинных стерлядей и кронштадтских ершей» в кастрюлях, в которые входило до двадцати ведер жидкости. О великолепной потемкинской кухонной ванне из серебра сохранился анекдот, записанный П. А. Вяземским. В Таврическом дворце, рассказывается в анекдоте, князь Потемкин в сопровождении Левашова и князя Долгорукова проходил через уборную комнату мимо ванны. «Какая прекрасная ванна!» — сказал Левашов. «Если берешься ее всю наполнить (это в письменном варианте, а в устном тексте значит другое слово), я тебе ее подарю», — сказал Потемкин. Левашов обратился к Долгорукову, который слыл большим обжорою: «Князь, не хотите ли попробовать пополам?»

О хлебосольстве и гостеприимстве Потемкина рассказывали легенды. Однажды Потемкин пригласил к себе на обед какого-то мелкого чиновника, а после обеда спросил его, доволен ли тот. И услышал в ответ смиренное: «Премного благодарствую, ваше сиятельство, все видал-с». Дело в том, что в то время в богатых домах было принято подавать блюда «по чинам», а приглашенных было так много, что сидевшие на «нижнем» конце стола зачастую так и не дожидались еды и «созерцали лишь пустые тарелки».

Если верить фольклору, Потемкин, достигнув высокого общественного положения, никогда не забывал о людях, с которыми провел юные годы. Согласно одному историческому анекдоту, однажды дьячок, у которого Потемкин в детстве учился читать и писать, состарившись и сделавшись неспособным исполнять службу, приехал в Петербург просить у князя работу. «Так куда же тебя приткнуть?» — задумался князь. «А уж не знаю, сам придумай», — ответил дьячок. «Трудную, брат, ты мне задал задачу. Приходи завтра, а я между тем подумаю». На другой день, проснувшись, светлейший вспомнил о своем старом учителе и велел его позвать. «Ну, старина, нашел я для тебя отличную должность. Знаешь Исаакиевскую площадь?» — «Как не знать; и вчера, и сегодня через нее к тебе тащился». — «Видел Фальконетов монумент Петра Великого?» — «Еще бы!» — «Ну так сходи же теперь, посмотри, благополучно ли он стоит на месте, и сейчас мне доложи». Дьячок в точности исполнил его приказание. «Ну что?» — спросил Потемкин, когда он возвратился. «Стоит, ваша светлость». — «Ну и хорошо. А ты за этим каждое утро наблюдай да аккуратненько мне доноси. Жалованье тебе будет производиться из моих доходов. Теперь можешь идти домой». Дьячок до самой смерти исполнял эту обязанность и умер, благословляя Потемкина.

Умер Потемкин неожиданно, на одной из дорог вблизи Николаева. Прах его покоится в Херсоне, в склепе Святой Екатерины. Говорят, Екатерина, узнав о его кончине, расплакалась. А затем, когда успокоилась, села за письмо одному из своих корреспондентов. Она сообщала о смерти своего любимца: «Он имел необыкновенный ум, нрав имел горячий, сердце доброе; глядел волком и потому не был любим, но, давая щелчки, благодетельствовал даже врагам своим. Трудно заменить его; он был настоящий дворянин, его нельзя было купить».

В январе 1787 года Екатерина II начала свое знаменитое путешествие по России из Петербурга в Крым. Подготовкой поездки занимался Потемкин. К путешествию готовились два с половиной года. От Петербурга до Киева было выстроено 76 станций, на каждой из которых держали по 550 сменных лошадей. На всех станциях строились дворцы и триумфальные арки. Вдоль дороги «ликовали крестьяне в пристойной одежде». Среди них «не было больных и увечных». На всем пути следования разводили огромные костры «для рассеивания мрака». В истории все это осталось под названием «Потемкинских деревень», как синонима показного благополучия. Досадно, что, кроме этого, широкому читателю в связи с именем Потемкина мало что известно.

2

Истории, описанные выше, происходили на фоне трех драматических разделов Польши в 1772, 1793 и 1795 годах, в результате которых ее восточные и центральные части вошли в состав России. Вместе с тем эти события обусловили появление большого количества поляков в Петербурге. Студенты и ремесленники, банкиры и предприниматели, фабричные рабочие и светские баловни устремились в столицу за образованием, за работой, за богатством и развлечениями.

Среди русской аристократии вошли в моду смешанные браки. Исторические объяснения этому коренились едва ли не в самом зародыше русско-польских взаимоотношений. Дело в том, что в 988 году Русь приняла крещение от Греческой церкви, тогда как крещение Польши произошло на полтора десятилетия раньше от Римской церкви, а Россия всегда стремилась вывести свои генеалогические корни не из архаичной Древней Греции, но из имперского цезарианского Рима. Родственная связь с поляками в представлении русской знати делала этот процесс более легитимным. Идея «Третьего Рима» на протяжении столетий будоражила голубую кровь русской аристократии.

Впрочем, не обходилось и без подлинных любовных и даже жертвенных отношений. Так, наместник царя в Польше, брат Александра I великий князь Константин Павлович ради брака с графиней Жаннеттой Грудзинской отказался от претензий на русский престол, что, кстати, стало прямой причиной драматического междоусобия в декабре 1825 года и непосредственным поводом к выступлению декабристов на Сенатской площади в Петербурге.

Но вернемся к непосредственной теме нашего очерка. В 1824 году в Петербурге впервые появился выдающийся польский поэт Адам Мицкевич. За принадлежность к тайному молодежному обществу он был выслан царскими властями из Литвы, где в то время проживал. В столице Мицкевич ожидал определения дальнейшего места службы в глубинных районах России.

Мицкевич родился в белорусском местечке Заосье близ Новогрудка. По отцу он происходил из рода обедневшего шляхтича Миколая Мицкевича, служившего адвокатом. Мать поэта происходила из семьи крещеных евреев.

В Петербурге Мицкевич сблизился с А. С. Пушкиным. О первой встрече двух великих национальных поэтов сохранился забавный анекдот: Пушкин и Мицкевич очень желали познакомиться, но ни тот, ни другой не решались сделать первого шага к этому. Однажды им обоим случилось быть на балу в одном доме. Пушкин увидел Мицкевича, идущего ему навстречу под руку с дамой. «Прочь с дороги, двойка, туз идет!» — сказал Пушкин, находясь в нескольких шагах от Мицкевича, который тотчас же ему ответил: «Козырная двойка простого туза бьет». Оба поэта кинулись друг к другу в объятия и с тех пор сделали друзьями.

На самом деле Пушкин впервые встретился с Мицкевичем осенью 1826 года в Москве, на вечере, устроенном москвичами по случаю его приезда в Первопрестольную. Мицкевич выступал с импровизацией. Вдруг Пушкин вскочил с места и, восклицая: «Какой гений! Какой священный огонь! Что я рядом с ним?», бросился Мицкевичу на шею и стал его целовать. Добавим, что Пушкин впоследствии описал эту встречу в «Египетских ночах». По утверждению специалистов, портрет импровизатора в повести «во всех подробностях соответствует внешности Мицкевича».

Но отношение Мицкевича к Петербургу было последовательно отрицательным. В этом городе он видел столицу государства, поработившего его родину и унизившего его народ.

Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана,
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

Или:

Все скучной поражает прямотой,
В самих домах военный виден строй.

Или:

Кто видел Петербург, тот скажет, право,
Что выдумали дьяволы его!

И хотя Мицкевич хорошо понимал различие между народом и государством, свою неприязнь к Петербургу ему так и не удалось преодолеть. А вместе с Петербургом он ненавидел и Россию, которую тот олицетворял. Говорят, когда он на пароходе покидал Петербург, то, находясь уже в открытом море, «начал со злостью швырять в воду оставшиеся у него деньги с изображением ненавистного русского орла».

Еще более эта ненависть углубилась после жестокого подавления польского восстания 1830–1831 годов. Пушкинское стихотворение «Клеветникам России» он расценил как предательство. В такой оценке Мицкевич был не одинок. Пушкина осудили многие его друзья. Например, Вяземский в письме к Елизавете Михайловне Хитрово писал: «Как огорчили меня эти стихи! Власть, государственный порядок часто должны исполнять печальные, кровавые обязанности; но у Поэта, слава Богу, нет обязанности их воспевать». У Вяземского, вероятно, были какие-то основания так говорить. До сих пор некоторые исследователи считают, что «Клеветникам России» Пушкин «написал по предложению Николая I» и что первыми слушателями этого стихотворения были члены царской семьи.

Между тем позиция Пушкина по польскому вопросу была на редкость последовательной. Он резко осуждал польский сейм за отстранение Романовых от польского престола и, перефразируя римского сенатора Катона, который каждую свою речь заканчивал словами: «Карфаген должен быть разрушен», говорил: «Варшава должна быть разрушена».

В это время Мицкевич уже жил за границей. С Пушкиным больше никогда не встречался. Однако на протяжении всей своей жизни сохранил искренне восторженное отношение к Пушкину как к великому русскому поэту.

Поэтому совершенно естественной выглядит легенда о том, что, едва узнав о трагической гибели русского поэта, Мицкевич, живший в то время в Париже, послал Дантесу вызов на дуэль, считая себя обязанным драться с убийцей своего друга. Если Дантес не трус, будто бы писал Мицкевич, то явится к нему в Париж.

Мы не знаем, чем закончилась эта история и был ли вообще вызов, но то, что эта легенда характеризует Мицкевича как человека исключительной нравственности и порядочности, несомненно.

Среди польских друзей Пушкина заметное место занимают графы братья Михаил и Матвей Виельгорские. Они были сыновьями польского посланника при екатерининском дворе в Петербурге. При Павле I Михаил Виельгорский, «гениальный дилетант», как характеризовали его практически все современники, слыл одним из самых заметных представителей пушкинского Петербурга. Он был отмечен знаком высшего расположения императора. Вместе со своим братом он был пожалован в кавалеры Мальтийского ордена. Виельгорский был широко известным в масонских кругах Петербурга «рыцарем Белого Лебедя» и состоял «Великим Субпрефектом, Командором, а в отсутствие Великого Префекта правящим капитулом Феникса». В его доме проходили встречи братьев-масонов ордена.

Кроме масонских собраний, Виельгорские устраивали регулярные музыкальные и литературные вечера. В их салоне бывали Гоголь, Жуковский, Вяземский, Пушкин, Глинка, Карл Брюллов и многие другие представители русской культуры того времени. Дом его на углу Михайловской площади (ныне площадь Искусств) и Итальянской улицы в Петербурге называли «Ноев ковчег». Многие произведения литературы, если верить преданиям, увидели свет исключительно благодаря уму, интуиции и интеллекту Михаила Юрьевича. Рассказывают, что однажды он обнаружил на фортепьяно в своем доме оставленную случайно Грибоедовым рукопись «Горя от ума». Автор комедии к тому времени еще будто бы не решился предать ее гласности, тем более отдать в печать. И только благодаря Виельгорскому, который «распространил молву о знаменитой комедии» по Петербургу, Грибоедов решился ее опубликовать.

Известно также предание о том, что, склонный к мистике, старый масон Михаил Виельгорский поведал Пушкину историю об ожившей статуе Петра, которая так поразила поэта, что не давала ему покоя вплоть до известной осени 1833 года, когда в болдинском уединении была наконец создана поэма «Медный всадник».

Среди литературных знакомых Пушкина числилась и такая одиозная фигура XIX столетия, как Фаддей Булгарин. В литературном Петербурге их вместе с его соиздателем Николаем Гречем иначе как «Братья-разбойники» не называли. Происхождение этого коллективного прозвища фольклорная традиция связывает с Пушкиным. Будто бы однажды на одном обеде, увидев цензора Семенова, сидящего между Гречем и Булгариным, Пушкин воскликнул: «Ты, Семенов, точно Христос на Голгофе». Известно, что, согласно библейской версии, Христос был распят вместе с двумя разбойниками и его крест находился как раз посередине.

Вторая их кличка среди петербургских литераторов была «Грачи-разбойники». Николай Иванович Греч в течение десяти лет служил в петербургском цензурном комитете, а Булгарин, до 1825 года исповедовавший весьма демократические либеральные взгляды, после восстания декабристов занял откровенно верноподданническую охранительскую позицию и заслужил в Петербурге славу беспринципного литературного осведомителя пресловутого Третьего отделения.

Пушкин глубоко презирал Булгарина именно за это. Он хорошо знал ему цену. Если верить воспоминаниям современников, то однажды, с присущим ему ядовитым сарказмом, Пушкин сказал о Булгарине, что «где-нибудь в переулке он с охотою

с ним встретится, но чтоб остановиться и вступить с ним в разговор на улице, на видном месте, на это он — Пушкин — никогда не решится». Известна убийственная эпиграмма на Булгарина. Считается, что она принадлежит Пушкину. Ее со вкусом повторял весь читающий Петербург:

К Смирдину как ни придешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

Правда, Владимир Соллогуб иначе смотрит на авторство этого блестящего шедевра. Он вспоминает, как однажды они вместе с Пушкиным зашли в книжную лавку Смирдина. «Я, — пишет Соллогуб, — остался у дверей и импровизировал эпиграмму:

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь.
Лишь Сенковского найдешь.

Эти четыре стиха я сказал выходящему Александру Сергеевичу, который с необыкновенной живостью закончил:

Иль в Булгарина наступишь».

Биография Булгарина путана, полна приключений и окрашена в авантурные тона скандальной беспринципности. Он был сыном польского шляхтича. Учился в Петербургском сухопутном шляхетском корпусе. Служил в Уланском полку и в 1806—1807 годах воевал против Наполеона. Затем был уволен из армии «вследствие плохой аттестации». После этого перебрался в Париж и вступил в Польский легион войск Наполеона. В его составе участвовал в походе на Россию. Был взят в плен русскими войсками. После войны жил в Польше и Литве.

В Петербург Булгарин приехал в 1819 году из Варшавы. В 1822 году начал издательскую деятельность, а с 1825 года совместно с Гречем издавал частную литературно-политическую газету исключительно реакционного толка «Северная пчела», которую Николай I в минуты откровенности называл «моя газета».

Булгарин был неплохим журналистом, но в литературной среде его презирали за беспринципность и сотрудничество с властями. В России это всегда отдавало дурным запахом. Рассказывают, как во время одного магнетического сеанса, до которых был весьма охоч тогдашний Петербург, некая ясновидящая вдруг прервала свои ответы на вопросы и, задыхаясь от волнения, проговорила: «Остановите, не пускайте! Сюда по лестнице подымается дурной, нехороший человек... У него железный ключ в кармане... Мне тяжело! Мне больно! Не пускайте, не пускайте!» Вдруг дверь с шумом распахнулась, и в залу влетел, запыхавшись, опоздавший к началу сеанса Булгарин. Публика взорвалась от хохота. «Фаддей! У тебя есть ключ в кармане?» — спросил его присутствовавший здесь Греч. «Конечно, — ответил Булгарин, — ключ от моего кабинета у меня в кармане». И Фаддей Венедиктович вытащил из кармана большой железный ключ. Публика замерла и оцепенела. Тут же нашлись несколько человек, которые попросили Булгарина удалиться.

Если это не было заранее подготовленной мистификацией, то этот эпизод неплохо характеризует отношение петербуржцев к Булгарину.

Редакция «Северной пчелы» находилась на Мойке, в доме № 92, принадлежавшем Гречу. Здесь же размещалась и типография. Дом был открытым для всего, как тогда говорили, театрального, художественного и литературного мира Петербурга. Особенно многолюдны были «четверги», устраиваемые Гречем. В историю петербургской культуры дом вошел под именем «Гречев дом».

Николай Иванович Греч, в отличие от своего соиздателя, никогда не опускался до откровенного «литературного разбоя». Со многими собратьями по перу, в том числе с Пушкиным, он оставался корректен и сумел сохранить дружеские отношения.

Острые же демократической критики в основном было направлено на Булгарина. Следы этой борьбы сохранились в фольклоре. Однажды в Никольском соборе во время отпевания писателя Н. А. Полевого Булгарин хотел ухватиться за ручку гроба. Но актер В. А. Каратыгин оттолкнул его, сказав при этом: «Уж ты довольно поносил его при жизни». С легкой руки Пушкина, Булгарина называли Видоком, по имени знаменитого французского сыщика. Известен анекдотический случай, когда в газетах было объявлено о продаже в книжных лавках литографированного портрета этого пресловутого француза. Некоторое время покупателям выдавалось изображение Булгарина.

Из истории известно, как прадед Пушкина Ганнибал появился в России. Русский посланник в Константинополе Савва Рагузинский в 1705 или 1706 году прислал приобретенного им на рынке рабов ребенка в подарок Петру I. Правда, в пушкинском Петербурге бытовала злая легенда о том, что Ганнибал был куплен Петром у пьяного английского матроса за бутылку рома. Известно, что эта легенда стала предметом яростного, ожесточенного литературного спора между Пушкиным и Булгариным. В ответ на бесцеремонный выпад последнего Пушкин ответил стихами, в которых вывел этого литературного фискала и доносчика под именем Видока Фиглярина. Все в этом прозвище было убийственным. Имя полностью совпадало с фамилией французского сыщика Эжена Франсуа Видока, а фамилия была умело произведена от фигляра, то есть грубого, жалкого шута, и по созвучию полностью соотносилась с фамилией Булгарина.

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки скипера попал.

Со временем сарказм писательской братии по отношению к Булгарину смягчился, а после смерти литератора и вообще превратился в легкую иронию. Рассказывают, что однажды в Пушкинский Дом пришел бедно одетый старик с просьбой помочь ему. «Кто же вы?» — вежливо спросили его. «Я тесно связан с Александром Сергеевичем Пушкиным». — «Каким же образом?» — «Я являюсь праправнуком Фаддея Булгарина», — нимало не смущаясь, ответил тот.

3

Заметный след оставили представители польской диаспоры в петербургской архитектуре и градостроении второй половины XIX — начале XX века. Авторитетнейший справочник «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга» Б. М. Кирикова перечисляет адреса 19 зданий и сооружений, построенных академиком архитек-

туры Марианом Станиславовичем Лялевичем только в Петербурге, а ведь он строил и в Польше, и в Финляндии. Среди его построек широко известны корпуса Сытного рынка и Дом городских учреждений на Кронверкском проспекте.

Оба проекта Лялевич реализовывал совместно с другим академиком архитектуры — поляком по происхождению и его тезкой Марианом Мариановичем Перетятковичем, который на рубеже веков также пользовался широкой известностью в Петербурге. Среди его построек церковь Нотр-Дам де Франс в Ковенском переулке, Дом страхового общества «Саламандра» на Гороховой улице, храм-памятник русским морякам, погибшим в войне с Японией, более известный в народе как Спас на водах, взорванный при советской власти и ныне находящийся в списке памятников истории и культуры, подлежащих восстановлению.

Особенно известен Перетяткович сотрудничеством со своими соотечественниками — варшавскими банкирами Вавельбергами. В середине XIX века Вавельберги учредили отделение банка в Петербурге. Отделение находилось на Невском проспекте, 25. К началу XX века, когда руководство банкирским домом взял на себя почетный потомственный гражданин Петербурга, купец 1-й гильдии, выпускник Петербургского университета Михаил Ипполитович Вавельберг, финансовые успехи фирмы поставили ее в один ряд с крупнейшими банкирскими домами России.

В 1912 году на одном из самых престижных участков Петербурга, на углу Невского проспекта и Малой Морской улицы, М. И. Вавельберг возводит специальное здание для банка. Конкурс на строительство выиграл молодой в то время архитектор М. М. Перетяткович. Это величественное сооружение, облицованное мощными блоками темного, грубо обработанного гранита, ставшее одной из архитектурных жемчужин Невского проспекта, выполнено в стиле итальянских дворцов эпохи Возрождения. В Петербурге его прозвали «Дворец дождей», «Персидский дом» или «Денежное палаццо». Но в истории петербургской архитектуры он остался под именем своего владельца: «Дом Вавельберга». За строительство этого здания Перетяткович получил звание академика архитектуры.

Сохранилась легенда о том, как богатый и немногословный банкир принимал дом. Он долго водил архитектора по многочисленным помещениям, лестницам, коридорам и переходам и, не найдя к чему придраться, в конце концов остановился у входных дверей. Долго молчал, глядя на бронзовую табличку с надписью: «Толкать от себя». Потом повернулся к строителям и назидательно проговорил: «Это не мой принцип. Переделайте на „Тянуть к себе“».

Заметную роль в петербургском градостроении сыграл выпускник Виленского университета и Петербургского института корпуса инженеров путей сообщения польский инженер Станислав Валерианович Кербедз. Героем петербургского городского фольклора он стал благодаря длившейся более семи лет беспримерной эпопеи строительства первого в Петербурге постоянного моста через Неву.

Как известно, целых полтора столетия Нева не знала постоянных переправ с одного берега на другой. Петр I, мягко выражаясь, мостостроение не поощрял. Приучая петербуржцев к воде, он разрешал строить мосты только в исключительных случаях — при прокладке дорог через ручьи и протоки. Сообщение же с островами дельты Невы летом осуществлялось только лодками и паромами, которые в Петербурге назывались «самолетами». В XVIII веке в ходу был даже слоган: «На другой берег самолетом». После смерти Петра в городе появились наплавные, или плашкоутные, мосты, которые вполне устраивали петербуржцев. Строительство же постоянных мостов считалось делом дорогостоящим, хлопотным и необязательным.

Первый постоянный мост по проекту Станислава Кербедза начали возводить в 1843 году. Строительство моста действительно оказалось трудным и необычным.

Далеко не все верили в благополучное его окончание. В те годы умы столичных обывателей занимало строительство одновременно трех грандиозных сооружений: Исаакиевского собора, Благовещенского моста и Московской железной дороги. С легкой руки известного остролиста Александра Сергеевича Меншикова, ироничные петербуржцы любили повторять: «Достроенный собор мы не увидим, но увидят дети наши, мост мы увидим, но дети наши не увидят, а железной дороги ни мы, ни дети наши не увидят».

Подтверждение этих настроений мы находим в городском фольклоре. Рассказывали, что Николай I, зная о характере стройки, распорядился повышать Кербедза в звании за каждый удачно возведенный пролет моста. Узнав об этом, Кербедз, как уверяют злые языки, тут же пересмотрел проект в пользу увеличения количества пролетов. Так это или нет, проверить невозможно, однако известно, что, начав возведение моста в скромном чине капитана, Кербедз закончил его в звании генерала.

Любопытна дальнейшая судьба Благовещенского моста. К 1930-м годам мост, который в то время назывался мостом Лейтенанта Шмидта, исправно прослуживший более восьмидесяти лет, требовал коренной реконструкции. Реконструкцию поручили одному из крупнейших специалистов в области мостостроения Григорию Петровичу Передерью. Однако Передерий предложил не столько реконструкцию, сколько полную перестройку моста. Точнее, это было вообще возведение нового моста на старых опорах, с центральным разводным пролетом, вместо существовавшего бокового, со стороны Васильевского острова. Даже во внешнем оформлении были сохранены только прежние перильные ограждения. Тогда-то и родился в Ленинграде беззлобный каламбур, до сих пор сохранившийся в арсенале городского фольклора: «Передерий передерил». Впрочем, и старый мост Кербедза продолжает служить до сих пор. Его пролеты перевезли в Тверь и перекинули через Волгу.

Для полного представления о деятельности Кербедза в Петербурге следует сказать, что с 1872 года он возглавлял комитет по устройству Петербургского и Кронштадтского портов. Тогда же под его руководством был разработан окончательный проект знаменитого Морского канала по дну мелководной Невской губы от внешнего рейда Кронштадта до Морского порта на Гутуевском острове в Петербурге.

Последние годы жизни Кербедз провел в Варшаве. Там же он умер и похоронен на кладбище Повонзки.

Говоря о вкладе поляков в историю Петербурга, нельзя не вспомнить о почетном члене Академии наук и почетном гражданине Петербурга, известном путешественнике и исследователе Средней Азии Николае Михайловиче Пржевальском.

Пржевальский принадлежал к старинному польскому шляхетскому роду. Его дальним предком был воин Великого княжества Литовского Карнила Перевальский, отличившийся в Ливонской войне. Серебряные лук и стрела на красном поле, изображенные на родовом гербе Пржевальских, были дарованы за воинские подвиги в сражении с русскими войсками при взятии Полоцка армией Стефана Батория. Это, впрочем, не помешало Пржевальскому по окончании академии отправиться добровольцем в Польшу для участия в подавлении польского восстания. В 1863 году он был произведен в поручики и занял должность преподавателя истории и географии в Варшавском юнкерском училище.

Герою петербургского городского фольклора Пржевальский стал благодаря своему удивительному внешнему сходству с И. В. Сталиным. Причем интересно, что заметили это сходство только после смерти вождя всех народов и покровителя всех путешественников в 1953 году, хотя памятник Н. М. Пржевальскому стоит в Адмиралтейском саду с 1892 года. Это и понятно. Изображения вождя, еще совсем недавно тиражируемые в миллионах экземплярах на бумаге, холсте, в камне и бронзе,

начали постепенно исчезать с улиц и площадей Ленинграда. А тут, в самом центре, на видном месте, и так похож.

И родилась одна из самых невероятных ленинградских легенд. Будто бы однажды, путешествуя по Средней Азии, Пржевальский неожиданно отклонился от маршрута, завернул ненадолго в Грузию, встретился там с некой красавицей Екатериной Георгиевной, будущей матерью Сталина, и осчастливил ее, став, как утверждает эта фантастическая легенда, отцом ребенка. Поди проверь. Но вот уже многие годы у основания памятника великому путешественнику появляются букетики цветов. Говорят, их приносят пожилые женщины — верные и твердые последовательницы Сталина.

Смущает только верблюд у подножия памятника. Карликового роста, прилегший отдохнуть на землю, он кажется случайным и необязательным под бюстом импозантного мужчины в мундире гвардейского офицера с погонами. Таким, впрочем, он казался и при установке памятника. Сохранилась легенда о том, что Географическое общество, членом которого был Пржевальский, еще тогда указывало городским властям на нецелесообразность образа «корабля пустыни» в непосредственной близости с морским символом Петербурга — Адмиралтейством. Не вняли. И тем самым открыли небывалые возможности для мифотворчества. На настойчивые вопросы все тех же туристов: «А верблюд-то почему?» — современные молодые экскурсоводы могут ответить: «А это символ долготерпения русского народа». И рассказывают легенду о каком-то придурковатом полковнике, который в 1950-х годах, проходя Александровским садом к Главному штабу, у памятника Пржевальскому переходил на строевой шаг и отдавал честь великому путешественнику.

4

Отдельной главой в истории русской культуры следует отметить особый вклад поляков в развитие петербургской школы балета, немыслимого без всемирно известных имен Матильды Кшесинской и Вацлава Нижинского.

Ведущая балерина Мариинского театра Матильда Кшесинская, о которой современники говорили столь же восторженно, сколь и неприязненно, на самом деле на рубеже XIX и XX веков была наиболее яркой звездой петербургского балета. Она происходила из широко известной в Европе театральной семьи. Дед Матильды Феликсовны был знаменитым скрипачом, которого современники сравнивали с самим Паганини, отец — танцовщиком, а мать — актрисой. Балериной была и старшая сестра Матильды Юлия, закончившая балетную школу раньше Матильды. Благодаря этому семейному обстоятельству злые языки издевательски называли Матильду «Кшесинской Второй». По аналогии, но в противоположность высокому официальному статусу ее любовника Николая Второго.

Между тем на выступления Матильды Кшесинской сходилась буквально «весь Петербург». Но бурные, неистовые аплодисменты восхищенной ее мастерством и дарованием театральной публики не могли скрыть от петербургской молвы ее вздорного характера обыкновенной, но весьма изощренной интриганки. Директор Императорских театров В. А. Теляковский писал о Кшесинской как о «нравственно нахальной, циничной, наглой балерине, живущей одновременно с двумя великими князьями». А сама Кшесинская этого не только не скрывала, но при всяком удобном случае этим обстоятельством пользовалась. Не случайно вместе с прозвищами Королева Пуантов и Великолепная Матильда в Петербурге ее называли Мадам Эпатаж, Самодержавный Каприз и Царская Ведьма.

При этом не надо сбрасывать со счета и другие легенды, несколько по иному характеризующие великую балерину. Рассказывают, что когда один из великих князей, в то время наследник престола Николай Александрович однажды предложил Матильде Кшесинской руку и сердце, то та решительно отказалась, хорошо понимая, что в этом случае будущему императору «вместо родительского престола пришлось бы удовольствоваться лишь тронем царя Польского». И вопреки тому, что о ней говорили в петербургском «свете» и за кулисами Мариинского театра, принять такую жертву Матильда якобы отказалась.

Известно, что у Матильды Кшесинской была любимая племянница Целина. Девочку можно видеть на многих фотографиях из семейного альбома балерины рядом с Матильдой. Если верить городским сплетням, то Целина вовсе не племянница, а ее собственная дочь от Николая II. В качестве доказательства биографы балерины приводят многочисленные временные и хронологические совпадения.

В 1904–1906 годах в Петербурге по проекту модного в то время архитектора, одного из наиболее ярких представителей петербургского модерна А. И. Гогена Кшесинская построила особняк. Здание поражало современников утонченной роскошью и сдержанным уютом интерьеров, свободной внутренней планировкой помещений и живописной асимметричностью наружной композиции, смелым и неожиданным сочетанием новых и традиционных отделочных материалов.

Несмотря на то, что историкам известен документ, согласно которому Матильда Кшесинская внесла 88 тысяч рублей собственных денег на строительство особняка, в Петербурге до сих пор живет легенда о том, что Николай II, будучи уже императором, одаривал свою прекрасную фаворитку многочисленными особняками. Один из них будто бы находился в Крыму, другой — под Петербургом и, наконец, третий — напротив Зимнего дворца на Петербургской стороне. Между Зимним дворцом и особняком Кшесинской будто бы существовал даже подземный ход. Надо сказать, что некоторая доля правды в этих сплетнях все же была. Во-первых, по оценке современных историков, в начале XX века строительство такого особняка должно было стоить не менее одного миллиона рублей, что вряд ли было по силам балерине императорского театра, даже если она и была Кшесинской. И во-вторых, в Петербурге был хорошо известен другой особняк, на Английском проспекте, 18, который монарх и в самом деле подарил Матильде Федоровне.

Судьба особняка Кшесинской была типичной для советского периода отечественной истории. В апреле 1917 года в него въехали большевики. В особняке разместился Центральный комитет партии большевиков и так называемая Военная организация РСДРП, или «Военка», как ее называли в народе. Тогда же, согласно легендам, во дворе особняка были зарыты огромные деньги, будто бы полученные большевиками от германского генерального штаба для организации революционного переворота в России. Между прочим, через 80 лет эта фантастическая легенда трансформировалась в предание о том, будто бы этот клад зарыли не большевики, а сама Матильда Кшесинская перед бегством из Петрограда.

В 1909–1910 годах рядом с особняком балерины, на участке № 4 по Большой Дворянской улице архитектор Р. Ф. Мельцер построил особняк для известного промышленника и торговца, владельца лесопильных заводов, члена совета петербургского учетного и ссудного банков В. Э. Брандта. Исключительно близкое соседство особняка Брандта с особняком Матильды Кшесинской, построенным в тот же период, породило в Петербурге легенду об интимной связи владельцев обоих особняков. Особенной популярности легенды среди обывателей способствовал бронзовый барельеф на стене особняка Брандта перед боковым входом в дом балерины. Огромный, размером чуть ли не в дверной проем барельеф изображает молодого человека

в охотничьем костюме и юную даму с большим католическим крестом на груди. Кавалер приглашает даму войти в дом. В изображенных легко узнавались хозяева обоих особняков, тем более что между зданиями, ныне отделенными друг от друга глухой каменной стеной, в прошлом, говорят, существовала калитка. Изображение было столь реалистичным, что домыслить недостающее было делом нехитрым. С известной долей условности этот чудом сохранившийся до нашего времени барельеф можно считать своеобразным памятником Кшесинской.

В феврале 1917 года Матильда Кшесинская покинула Петроград и поселилась в Европе. Она была потрясена крушением монархии, которой была искренне предана. Не только по убеждениям, но и по любви к двум великим князьям — Сергею Михайловичу, от которого родила сына, впоследствии усыновленного Андреем Владимировичем и ставшего Владимиром Андреевичем, и Андреем Владимировичу, с которым в 1921 году вступила в брак. С 1920 года жила во Франции. Там она пристрастилась к игре в рулетку. В память о печальных событиях 1917 года ставила только на цифру 17, за что французы ее так и прозвали — Мадам Дизсептьем (*dix-sept* — семнадцать).

Кшесинская прожила долгую жизнь и скончалась в 1971 году во Франции, в возрасте 99 лет, не дожив нескольких месяцев до своего столетия. Покоится русская балерина Матильда Кшесинская на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем под фамилией Романовская-Красинская. С добавлением: «заслуженная артистка императорских театров Кшесинская». Первая часть ее двойной фамилии происходит от фамилии великого князя Андрея Владимировича Романова, с которым она вступила в брак в 1921 году, вторая — от графов Красинских. По семейному преданию, от них ведут свой род Кшесинские.

Не меньшей славой в балетном мире пользовался и Вацлав Нижинский, «Гений балета», как его окрестили современники. Особенной известностью пользовались его знаменитые «зависания в воздухе», благодаря чему его прозвали Летающим Человеком. Из Мариинского театра Нижинского уволили из-за разразившегося скандала после того, как он решил станцевать в балете «Жизель» в короткой рубашке и трико без обязательных в то время обычных бархатных штанов до колен. Вызывающий наряд танцора буквально шокировал публику. С тех пор он стал танцевать только в труппе Дягилева, гастролировавшей в Европе. Впрочем, согласно одной из легенд, скандал спровоцировал сам Дягилев, предварительно договорившись с Нижинским. Согласно другой — Нижинского изгнали из театра по настоянию царской семьи, которая таким образом выразила свое монаршее неудовольствие любовной связью танцовщика с Дягилевым.

Так или иначе, слава, доставшаяся России после «Русских сезонов» Сергея Дягилева, в значительной мере возникла благодаря великому артисту балета Вацлаву Нижинскому. Нижинский умер в Лондоне неизлечимо больным человеком. Прах его был перевезен в Париж и захоронен на кладбище Монмартр.

К 100-летию «Русских сезонов» в Варшаве, в фойе Большого театра была установлена бронзовая скульптура Вацлава и Брониславы Нижинских в образе Фавна и Нимфы, исполненная русским скульптором Геннадием Ершовым.

В 1906 году в Петербурге родился один из величайших композиторов XX века Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Его дед, поляк по происхождению Болеслав Петрович Шостакович, по делу о покушении на Александра II был осужден на ссылку в Сибирь. Там он женился на сибирячке, в результате чего родился отец будущего композитора Дмитрий Болеславович.

В 1923 году Дмитрий Дмитриевич Шостакович окончил Петербургскую консерваторию. Из раннего фольклора о нем известна легенда, как по окончании пред-

ставления пьесы Владимира Маяковского «Клоп» на сцену одновременно вышли маленький, щуплый, никому не известный автор музыки Шостакович и могучий, огромного роста, знаменитый поэт. Раскланявшись с публикой, Маяковский великодушно протянул Шостаковичу два пальца. И в ответ на глазах изумленной публики композитор, похоже, сам не понимая, что делает, подал поэту свой едва заметный мизинец. Говорят, после этого Шостакович чуть ли не две недели пролежал в нервной горячке.

Похоже, что серьезных сомнений в его гениальности не было ни у кого. И не только у преподавателей и друзей молодого композитора, но и у него самого. Не зря его называли «Современным Бетховеном». В 1924 году, сразу после переименования Петрограда в Ленинград, если верить фольклору, Шостакович воскликнул: «Значит, когда я умру, город могут назвать Шостаковичградом?» Понятно, что это выглядело не более чем юношеской реакцией на очередную потерю Санкт-Петербургом своего исторического имени, но все-таки... Шостакович не мог не догадываться о своей будущей роли в музыкальной культуре страны. Сохранился характерный анекдот: Шостакович стоит в очереди в гастрономе «Елисеев». К нему подходит алкоголик и спрашивает: «Третьим будешь?» Композитор отвечает: «Только первым». — «Тоже неплохо», — в тон ему говорит алкоголик.

Между тем легко увидеть довольно сдержанное, если не сказать, ироническое отношение молодого Шостаковича не только к вождю мирового пролетариата, но и к советской власти как таковой. По свидетельству очевидцев, он любил подшучивать над культом Ленина, царившим в большевистской России. Известно, что Владимира Ильича Ленина в Советском Союзе называли по отчеству. Отчеству придавали значение имени. В Ленинграде был Дом культуры имени Ильича и даже переулок Ильича. У Шостаковича это, видимо, вызывало раздражение. «Люблю музыку Ильича, — иногда восклицал он и, выдержав паузу, добавлял: — Петра Ильича Чайковского, разумеется». Известно, что Мравинский и Шостакович называли друг друга «братьями по дням», намекая на название запрещенной в Советском Союзе книги И. А. Бунина «Окаянные дни», в которой писатель воспринимал революцию как национальную катастрофу.

Об отношении Шостаковича к властям предрержащим можно судить по маленькой хитрости, которую позволял себе композитор. Известно, что он был одним из тех, кто практически всегда подписывал коллективные письма против своих собратьев по искусству. Но, как утверждает фольклор, делал это весьма своеобразно. Брал лист с текстом, переворачивал его вверх ногами и только тогда ставил подпись. После знаменитых постановлений ЦК по вопросам культуры Шостакович долго не мог прийти в себя. «Я ему завидую», — говорил он о погибшем Михоэлсе.

Даниил Гранин рассказывает историю, случившуюся с военным дирижером и композитором, по совместительству служившим в ЦК партии музыковедом, Павлом Ивановичем Апостоловым. Апостолов люто ненавидел Шостаковича. Он был автором всех разгромных статей о его музыке в партийной печати и разделов, посвященных музыке, в постановлениях по вопросам культуры, выходивших от имени ЦК партии. Без яростной злобы в адрес Шостаковича в них не обходилось. Об этом все знали и старались внимательно следить за их случайными пересечениями на музыкальных спектаклях и концертах. Однажды во время исполнения в Москве симфонии Шостаковича вдруг из первых рядов поднялся человек и направился к выходу из зала. Увлеченная музыкой публика не придавала этому значения. Но когда симфония окончилась и двери распахнулись, все увидели на полу мертвое тело Апостолова. В толпе пронесся мистический шепот: «Возмездие, вот оно, возмездие».

Травля Шостаковича была повсеместной и изощренной. В январе 1936 года в газете «Правда» появилась редакционная статья «Сумбур вместо музыки» об опере

Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», после чего поток грязи, вылитый на композитора, приобрел космические размеры. Дошло до того, что на арене цирка известный клоун Карандаш посадил за рояль свою собаку Кляксу. Клякса начинает бегать по клавиатуре. Выходит напарник клоуна: «Карандаш, что это вы делаете?» — «Ах, не обращайтесь внимания, это она играет новую симфонию Шостаковича».

Трагедии Ленинграда в годы Великой Отечественной войны Шостакович посвятил одно из лучших своих произведений — Седьмую («Ленинградскую») симфонию. Он писал ее, находясь в осажденном городе, вместе с ленинградцами мужественно перенося все ужасы первых месяцев блокады. 9 августа 1942 года симфония была впервые исполнена в Большом зале Ленинградской филармонии оркестром под управлением К. И. Элиасберга. Ленинградцы по достоинству оценили талант композитора. День исполнения симфонии они назвали «днем победы среди войны», а само исполнение — «залпом по Рейхстагу».

5

Социально-политическая активность поляков неожиданно сблизила такие отдаленные друг от друга географические территории, как Польша и Сибирь. Один за другим туда по приговорам судов отправлялись в ссылку, на каторгу и на поселение участники восстаний, политически неблагонадежные и просто недостаточно верноподданные граждане присоединенной к России Польши. Название Сибири, этой далекой и загадочно пугающей восточной части Российской империи, замелькало в анкетах, биографиях и жизнеописаниях многих деятелей культуры. Так что Дмитрий Шостакович был не единственным, о ком можно сказать: «родом из Сибири».

Отцом замечательного петербургского писателя Александра Степановича Грина был ссыльный поляк, потомственный дворянин, участник польского восстания 1863 года.

Биография Грина полна мистических тайн и фантастических загадок. В значительной степени это связано с тем, что он состоял членом партии эсеров и преследовался за антиправительственную агитацию. Его подлинная фамилия Гриневский. Впервые в Петербург Грин приехал в 1905 году, нелегально, хотя охранка о нем хорошо знала и тщательно следила за его передвижениями. В их отчетах он числится под кличкой Невский. Это была вторая часть его подлинной фамилии. Первая ее часть — Грин, которая на самом деле была гимназическим прозвищем будущего писателя, впоследствии превратилась в авторский псевдоним.

В 1906 году Грина арестовали и сослали в Тобольскую губернию. Оттуда он сбежал и вернулся в Петербург, но в 1910 году был вновь арестован и на этот раз смог вернуться в столицу только в 1912 году.

В Петербурге его познакомили с Куприным, благодаря которому Грин вошел в литературные и издательские круги столицы. После революции жил в Доме искусств на Мойке. Виктор Шкловский вспоминает, что высокий, изможденный голодом, мрачный и тихий Грин был похож на «каторжника в середине срока». Здесь он начал активно писать и печататься. Здесь же родились и первые легенды о Грине. Так, по одной из них, он был сослан на каторгу в Сибирь не за свою революционную деятельность, а за то, что убил жену.

Другие легенды связаны с творчеством этого необыкновенного писателя. Заманчивый и великолепный фантастический мир, созданный им в своих повестях и рассказах, взбудоражил общественное мнение. Вскоре оно разделилось. Одни признава-

ли его необычный творческий дар, другие говорили, что Грин никакой не писатель, а обыкновенный уголовник. Будто бы однажды ему удалось украсть сундук, набитый старинными английскими рукописями. Хорошо зная иностранные языки, он постепенно извлекал тексты из таинственного сундука, переводил их и выдавал за свои произведения.

Как бы то ни было, все единодушно признавали, что Грин — писатель глубоко петербургский. Его лучшие произведения «Алые паруса», «Крысолов», «Корабли в Лиссе» и другие могли быть написаны только в этом городе. И действительно, в волшебных городах с загадочными названиями Лисс и Зурбаган, созданных его творческим воображением, легко улавливается неповторимый аромат петербургской атмосферы, запах гранитных набережных Невы и близкое дыхание Финского залива. Это была необыкновенная страна Гринландия, жить в которой стремились многие поколения его благодарных читателей. Не случайно в Петербурге до сих пор живет весенняя примета. Юные выпускницы петербургских школ, беззаветно веруя в свое недалекое счастливое будущее, связывают свои судьбы и свои надежды с гриновскими алыми парусами, которые им удастся увидеть в утренних грезах. В том числе и потому, что свято верят в романтическую легенду, будто прообразом прекрасной Ассоль стала жена Александра Степановича Грина Нина Николаевна.

В последние годы жизни Грин бедствовал. Его перестали печатать. Неоднократные просьбы о денежной помощи отклонялись. «Грин — наш идеологический враг, — заявила на заседании Союза писателей Лидия Сейфуллина. — Союз не должен помогать таким писателям! Ни одной копейки принципиально!» И вдруг неожиданно пришел перевод на 250 рублей. Сохранилась легенда, что причиной этому стала последняя шутка Грина. Будто бы он послал в Союз писателей телеграмму: «Грин умер вышлите двести похороны».

Одновременно с Грином в Доме искусств на Мойке, или ДИСКе, как его называли современники, жил поэт-символист, переводчик и мемуарист Владимир Алексеевич Пяст, «небольшой поэт, но умный и образованный человек», — как говорил о нем один из современников. Пяст в буквальном смысле слова вырос среди книг. Его мать имела прекрасную личную библиотеку, превращенную ею в общественную, доступную для всех желающих читальню.

Подлинная фамилия Пяста — Пестовский. Пяст — это псевдоним. Его появление связано с семейной легендой, согласно которой он является потомком старинного польского королевского рода Пястов, правивших в Польше с X по XIV век. Может, оно и так. Однако, по другим версиям, польской крови в жилах Пяста нет. По отцу он будто бы был прибалтийским немцем, а по матери — грузином.

Семейная легенда отложила известный отпечаток на характер поэта, что в известном смысле позволяет верить в ее достоверность. Он был гордым и заносчивым, как польский шляхтич, превыше всего ставил собственную независимость от людей и обстоятельств. Никогда ничего не просил. Некоторое время, живя в Доме искусств и в полном смысле слова страдая от голода, по ночам вышагивал по коридорам и громко читал стихи. Чтение напоминало «дикие возгласы», которые не давали покоя обитателям ДИСКА. «Безумный Пяст», — говорили о нем соседи по Дому искусств, пользуясь прозвищем, придуманным им самим. Запомнились его вечные клетчатые брюки, которые он носил бесшестенно зимой и летом. Среди его друзей и знакомых их называли «двухстопные пясты».

По свидетельству современников, его характер проявлялся во всем. Так, после появления в печати поэмы Александра Блока «Двенадцать», он, будучи лучшим другом поэта, перестал подавать ему руку и однажды отказался выступать вместе

с Блоком на литературном вечере только потому, что в программе была объявлена поэма «Двенадцать».

Революцию Пяст не принял и не скрывал этого. Может быть, поэтому его несколько раз арестовывали и отправляли в ссылку. Последний раз сослали в Вологодскую губернию. Там он и умер, будто бы от рака. Впрочем, сохранилась одна непроверенная легенда о том, что гордый Пяст покончил жизнь самоубийством, застрелившись из пистолета.

6

В сюжете о Мицкевиче мы уже говорили об отношении поляков к России как к государству, поработившему их родину Польшу. В значительной степени именно этим обусловлено заметное участие поляков сначала в террористических актах, направленных на власть предрержащих, а затем и в революционном движении. Так, в двух из восьми покушений на императора Александра II непосредственное участие принимали поляки. Одно покушение в Париже совершил Антон Березовский, а другое, приведшее к смерти императора, в Петербурге — Игнатий Гриневецкий. В советское время его именем был назван мост через канал Грибоедова, возле которого было совершено убийство. Это производило впечатление некоего убогого подобия памятника убиийце рядом с величественным мемориальным храмом-памятником убитому императору.

Оба террористических акта считались мезью поляков за подавление польского восстания 1863 года. Большевики к индивидуальному террору как к политической борьбе относились отрицательно. Однако это не помешало им после захвата власти организовать и возглавить массовый государственный террор. Теоретиком и практиком таких методов борьбы со своими классовыми и идеологическими врагами стал «пламенный революционер и верный ленинец» Феликс Эдмундович Дзержинский. Достаточно сказать, что именно ему молва приписывает инквизиторский тезис: «Если вы еще не сидите, то это не ваша заслуга, а наша недоработка» — и слова, будто бы сказанные им при назначении на пост председателя Чрезвычайной комиссии: «Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно». Похоже, о такой возможности он мечтал с детства. Во всяком случае, сам он будто бы однажды признался: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке, чтобы пробраться в Москву и уничтожить всех москалей».

В биографии Дзержинского есть еще одна довольно смутная страница, до сих пор порождающая многочисленные домыслы, версии и предположения. В юности, по одной из легенд, он случайно застрелил свою сестру Ванду. Так ли это, и если так, то как это могло в дальнейшем сказаться на его характере, можно только догадываться.

Собственно, петербуржцем Феликс Дзержинский был очень короткое время. В октябре 1917 года он стал членом петроградского военно-революционного комитета, затем был назначен председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), которая до переезда советского правительства в Москву в 1918 году находилась на Гороховой улице, 2. Дальнейшая жизнь Дзержинского целиком связана с Москвой.

Но судьбе было угодно, чтобы имя Железного Феликса, как его называли в народе, в петербургском городском фольклоре все-таки осталось. Более того, оно стало неким мистическим символом начала и конца большевистской власти.

Дзержинский происходил из религиозной польской семьи и воспитывался в строгих католических правилах. Одно время он даже подумывал о религиозном слу-

жении. Но затем подался в революционное движение и стал его ревностным проводником.

Сохранилась удивительная легенда, связанная с поисками подходящего здания для работы печально знаменитой Чрезвычайки. Фольклор утверждает, что бывший дом президента Медицинской коллегии И. Ф. Фитингофа на Гороховой, 2 был выбран не случайно и вовсе не потому, что в начале XX века в нем располагалось петербургское градоначальство, в составе которого находилось знаменитое Охранное отделение, правопреемницей которого можно было бы считать ВЧК.

Нет, утверждает городской фольклор, тому были иные причины, которые корнями своими уходили в начало XIX века, в эпоху императора Александра I. В то время в Петербурге стало широко известным имя дочери действительного статского советника Фитингофа, модной писательницы баронессы Юлии де Крюденер, которая после неожиданной смерти своего мужа впала в мистицизм и, обладая незаурядной силой внушения, начала пророчествовать. Последовав за Александром I во Францию, эта «Петербургская Кассандра» долгое время жила в Париже и возвратилась в Петербург только в 1818 году.

Однажды, проходя по Гороховой мимо дома своего отца, она впала в прострацию и увидела, как по стенам ее квартиры стекали потоки крови. Кровь проникла в подвалы, заполняя их доверху. Очнувшись от жуткого видения, она обернулась к сопровождавшим ее друзьям и будто бы воскликнула: «Через сто лет в России будет так же, как во Франции, только страшнее. И начнется все с моего дома».

Говорят, Дзержинский был хорошо знаком с мистическим пророчеством баронессы де Крюденер. И то ли собирался всей своей деятельностью на посту председателя Чрезвычайной комиссии опровергнуть его, то ли хотел доказать, что речь в предсказании шла о «кровавом царском режиме» и к советской власти никакого отношения иметь не может. Но именно вспомнив о пресловутой баронессе и ее пророчестве, Дзержинский будто бы заявил: «Здесь, в этом доме, и будет работать наша советская чрезвычайная комиссия». Нет надобности повторять, что из этого вышло.

Шли годы. Менялись аббревиатуры: ВЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. И неизменной оставалась суть деятельности всех этих организаций — правопреемниц знаменитой ВЧК, во главе которой стоял негибимый ленинец Феликс Дзержинский. На протяжении всех лет существования советской власти коммунисты пытались представить его как человека, беззаветно преданного делу коммунизма. В глазах простых советских людей он должен был выглядеть рыцарем, положившим свою жизнь ради светлого будущего всего человечества. Этаким беззаветно преданным романтиком революции. Образ Дзержинского широко использовался в советской пропаганде. Вот как об этом говорится в одной из речевок советских пионеров и школьников:

Будь, как Дзержинский,
Честным и смелым,
Верность Отчизне
Доказывай делом!

Этот широко разрекламированный образ успешно использовался в театре, кино, художественной литературе, других жанрах советского искусства. Достаточно напомнить знаменитые строчки из поэмы Владимира Маяковского «Хорошо!»:

Юноше, обдумывающему житье,
решающему
сделать жизнь с кого,

скажу не задумываясь:
Делай ее с товарища Дзержинского.

Понятно, что город трех революций Ленинград не мог отстать от других городов в прославлении «верного ленинца» Феликса Дзержинского. Первый памятник ему, созданный скульптором А. С. Крыжановской, был открыт 8 сентября 1930 года на территории Лопухинского сада, тогда же переименованного в сад Дзержинского. Двухметровая фигура «бесстрашного рыцаря революции» в характерной кожанке и сапогах стояла почти скрытая от оживленного Кировского проспекта, как тогда назывался Каменноостровский проспект, густыми кустами разросшейся сирени. По преданию, ленинградские власти будто бы специально «прикрыли» выполненного из алебастра Железного Феликса, так как в чекистских кругах было известно, что Сталин недолюбливал друга и соратника Ленина. По другому преданию, однажды на вывеске «Сад Дзержинского» исчезла заглавная буква «С», и ленинградцы долгое время приглашались войти в «ад Дзержинского». Только после смерти «великого кормчего» в 1953 году кусты вокруг памятника были вырублены. Но в 1992 году памятник Дзержинскому был все-таки демонтирован.

В 1952 году на территории Высшего военно-морского училища имени Ф. Э. Дзержинского была установлена статуя Дзержинского. Скульптура была выполнена из бронзированного бетона на гранитном постаменте.

Наконец, в 1981 году в Ленинграде, на улице Воинова (ныне Шпалерной), в непосредственной близости от Смольного был открыт памятник этому романтику революции. О его открытии сохранилась удивительная легенда. Как обычно, по случаю торжества был организован многолюдный митинг с оркестром, лозунгами, речами, прессой и другими неизменными атрибутами того времени. Когда отговорили дежурные слова и отзвучали привычные праздничные марши, наступил момент рождения нового памятника. И тут, как рассказывает легенда, в отлаженном ритуальном действе произошел сбой. Когда к подножию упало белоснежное покрывало, онемевшие от изумления участники торжества увидели на бронзовой шее неподкупного ленинца затянутый петлей кусок металлического троса. Видимо, монтажники оставили его при установке памятника. Эффект ужаснул присутствовавших. Над площадью повисла зловещая тишина. Только через несколько минут, показавшихся вечностью, среди растерянной толпы, продолжает легенда, суетливо забегали молчаливые и деловитые юноши в штатском, высматривая и тут же конфискуя фотоаппараты, теле- и видеокамеры.

Кажется, это был последний монумент коммунистической эпохи в Ленинграде.

Впрочем, как в польском, так и в российском народе Дзержинскому воздвигнуты свои памятники. О возглавляемой им ВЧК, аббревиатуру которой расшифровывали «Всякому Человеку Конец», слагали частушки:

Эх, яблочко,
Куда катишься?
В ВэЧеКу попадешь,
Не воротиться.

Его самого называли Козлобородый, Красный Палач и Упырь Феликс. О нем рассказывали анекдоты, достойные стать жемчужинами в арсенале петербургского городского фольклора. Вот только один из них: «Товарищ Дзержинский, к вам польский посол». — «Введите».

После подавления польского восстания 1863 года царское правительство закрыло все университеты на территории Польши. Это привело к массовому наплыву польской студенческой молодежи и научной интеллигенции в Петербург. Согласно сетевой энциклопедии Википедии, только с 1890-го по 1910 год количество поляков в Петербурге увеличилось чуть ли не вдвое и достигло 65 000 человек. К началу XX века в столице было 27 католических костелов и каплиц (часовен), основными прихожанами которых были поляки. Однако последовавшие затем события 1917 года, Гражданская война и сталинские репрессии привели к тому, что уже к 1939 году количество поляков едва превысило отметку в 20 000 человек. Стремительный отток поляков из Петербурга не прекращается до сих пор. К 2010 году, согласно официальному сайту Всероссийской переписи населения, на который ссылается интернет-энциклопедия Википедия в статье «Поляки в Петербурге», их осталось, страшно сказать, всего 2647 человек.

Однако понятие «Польский Петербург» сохранилось. И не только благодаря храмовым сооружениям, разбросанным по всему городу, или Московским воротам с обидной, если не сказать, оскорбительной для поляков посвяtitельной надписью, составленной лично Николаем I: «Победоносным российским войскам, в память подвигов в Персии, Турции и при усмирении Польши в 1826, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831 годах». Но в значительной степени благодаря бережно хранимому в совокупной памяти петербуржцев богатому городскому фольклору о петербургских поляках, вся жизнь, деятельность и творчество которых являются неотъемлемой частью петербургской истории и культуры, о чем мы и старались рассказать читателям в этом очерке.